

Филип Слейтер

Н А С Л А Ж Д Е Н И Е В У П Р Я Ж К Е

/глава из книги "В поисках одиночества"/

"Ты работал? Это дело!
Так пойдя же порезвись!"

/Лафонтен, Слейтер/

"Она просила не уходить
и рядом с ней присесть.
Я поглядел по сторонам:
здесь негде было сесть."

/Леннон, Макартни/

"Нет мне удовлетворения".

/Джеггер, Ричард/

Недавнее исследование английского психолога Р. Линна /установившего, что успехам и достижениям— как в индивидуальном, так и в национальном масштабе— обычно предшествует невротическое беспокойство/ подтвердило давнишние подозрения относительно патологического характера движущих сил западной цивилизации. Еще Фрейд утверждал, что "культура... черпает большую часть своей духовной энергии из сферы сексуального", и определил цивилизацию, как отказ от счастья ради безопасности. Такой отказ представлялся ему неизбежным и даже желательным, но все-таки вызывал некоторые сомнения: "Напрашивается вывод, что игра не стоит свеч и приводит, в конечном итоге, к невыносимому для индивида положению".

Значение этого предвидения растет вместе с ростом беспокойства, раздражения и отчаяния в нашем обществе. Проанализировать смысл и обоснованность утверждения Фрейда "Цивилизация— паразит эротики" становится первоочередной задачей, тем более, что в его пользу говорят

немногочисленные пока работы, опирающиеся на фактический материал.

Вместе с тем один из аспектов теории Фрейда явно противоречит существующим фактам. Фрейд считал, что общество "заимствует" энергию у сексуальности с целью нейтрализации человеческой агрессивности, хотя и не описал посредством какого механизма это осуществляется. Имеющиеся данные убеждают как раз в обратном: сексуальные ограничения не только не ослабляют агрессивность, но, напротив, усиливают ее /что соответствует гипотезе о фрустрационном происхождении агрессивности/. По-видимому, сексуальные ограничения более непосредственно связаны с цивилизацией, причем эта связь столь сильна, что агрессивность приходится терпеть в качестве ее неблагоприятного побочного эффекта.

Природа указанной связи имеет несомненное отношение к психической энергии: "цивилизованные" люди обычно энергичнее, подвижнее и неутомимее "варваров", но это, конечно, не означает, что они обладают большим запасом энергии: речь идет о различиях в ее использовании, или, иначе говоря, о различиях в мотивах поведения.

Конрад Лоренц как-то заметил, что подвижность любого организма в неблагоприятной среде возрастает. Можно считать, что сексуальные ограничения искусственным образом создают неблагоприятную среду и, следовательно, приводят к усилению подвижности индивида. К сожалению, мы плохо понимаем, из каких элементов состоит такая "неблагоприятная среда" и почему она вызывает большую подвижность.

По-видимому, она не способна доставить индивиду удовлетворения, и усиление его подвижности способствует поиску более адекватного и полного удовлетворения. Такая зависимость между подвижностью и неудовлетворенностью приводит на ум морковку, подвешенную перед мордой осла, который вращает тяжелый жернов. В обоих случаях постоянная отдача энергии находится в прямой зависимости от желанного, но недостижимого вознаграждения. /Сытый осел прекращает движение и возобновляет его лишь вновь проголодавшись./

Ф.Котрелл указал на то, что с технической точки зрения все, что способствует переводу циклического расхода энергии в постоянный, оказывается полезным. И хотя при постоянном расходе энергии не обойтись без внешних энергетических источников, последние оказались бы ненужными без значительного расхода энергии человеком. Высокоразвитое общество не смогло бы существовать /не считая случая полной автоматизации/, если бы в его основе лежала, скажем, система мотивации племени сирियोно: мужчины сирियोно лежат в своих гамаках до тех пор, пока смертельный голод не выгоняет их на охоту /кстати сказать, на охоте они проявляют такую силу и выносливость, которая недоступна цивилизованному человеку/. Именно такой циклический расход энергии привел в ужас первых американских предпринимателей: в день выплаты заработка они лишались всей местной рабочей силы и для ее удержания им пришлось создать долговую систему.

Мы столкнулись с дилеммой: если осла не кормить, он

умрет, но если осел сыт, он не будет работать. Каким образом заставить человека безостановочно работать за вознаграждение, которого он никогда не получит? Очевидно, что имея дело с простейшими телесными потребностями, которые легко удовлетворить, циклической отдаче энергии не избежать: пребывая на грани голодной смерти, человек усердно зарабатывает себе на пропитание, но что он будет делать, когда его живот полон? Для обеспечения постоянного производства энергии необходимо вызвать искусственный голод, потому что— как это ни парадоксально— только такого рода дефицит сможет гарантировать постоянный приток энергии.

Сексуальное влечение— будучи одновременно мощным и гибким импульсом— оказывается превосходным материалом для подобного предприятия. Его значение с интересующей нас точки зрения очевидно: достаточно вспомнить что в гипотетическом природном состоянии сексуальное наслаждение никогда не является дефицитом. Напротив, оно всегда в избытке, и именно это имеют в виду, называя секс— удовольствием для бедняков.

Однако нет такого общества, которое не наложило бы на это богатство своих ограничений и не превратило бы рог изобилия в черный рынок дефицитных товаров. Остановимся на этом подробнее, тем более, что мы уже раньше обратили внимание на тот факт, что американцы, живущие в обществе изобилия, подобного которому не знала история, испытывают беспрецедентное ощущение обездоленности и тревоги.

Введение сексуальных ограничений — величайшее культурное изобретение /превосходящее по своему значению укрощение огня/, благодаря которому человек открыл неограниченный и неоскудевающий источник энергии, позволяющий ему воздвигать земные царства. Превратив с помощью этого фатального средства сексуальность из неисчерпаемого наслаждения в дефицитное, человек за несколько тысячелетий сумел превратить большую часть своих ничтожных ресурсов в источники изобилия. Но у этой медали есть обратная сторона: чтобы достичь чуда, людям пришлось превратиться в ослов, галопирующих за недостижимой морковкой. Конечно, мы лучшие из всех ослов, и все-таки ослы! /Выражение "вертеть жернов", используемое в разговорной речи как синоним выражения "зарабатывать на жизнь", подтверждает наше смутное знакомство с происшедшей метаморфозой./

Здесь возникают следующие три вопроса: Как случилось, что человек превратился в осла? Какие механизмы осуществили это превращение? Каковы его последствия для нашего времени?

Поиски исторических первоисточков — занятие довольно бесполезное: люди то и дело изобретают новые безрассудства, большинство из которых, к счастью, неживучи. Важнее понять другое: почему искусственно введенная сексуальная сдержанность имела такой успех, и не только выжила, но и стала господствующей? Вероятно, она возникла как следствие ограничений, которые одна группа людей навязала другой /мужчины — женщинам, победители — побежденным/ или порождена временными мерами, связанными с контролем

над рождаемостью, а, возможно, появилась благодаря способности человека к символизации. В любом случае, однажды возникнув, она стала распространяться: сдержанность порождает сдержанность, подобно тому, как страх порождает страх. Достаточно возникнуть представлению, что чего-то нехватает, как люди начинают лишать своих близких того, что есть.

Это безрассудство получило мощную поддержку со стороны естественного отбора. Преисполненные беспокойства, испытывающие лишения племена одолевали безмятежных соседей или с большей отдачей использовали свои возможности. Конечно, никакое культурное превосходство не возникает само по себе: лишенное соответствующей окружающей среды оно выливается в обычную деструктивность, а многочисленные институты, возникающие на основе сексуальных ограничений, нередко оказываются столь громоздкими, что поглощают больше энергии, чем ее производят сдерживающие механизмы. В этнографической литературе описано немало обществ такого типа, равно как и обществ, которым удалось достичь лишь границ культуры. Тем не менее, время от времени сдерживающие механизмы в сочетании с подходящими экономическими и экологическими условиями приводили к возникновению "удачных" /с точки зрения конкуренции/ обществ, и постепенно наша планета оказалась заселена процветающими обществами, ориентирующими себя на сдержанность. Нередко достигнутый этими обществами уровень благосостояния обесмысливал их неудовлетворенность, и тогда созданные ими культуры подхватывались и продолжа-

лись "менее развращенными" и "более мужественными" /т.е. сдержанными/ обществами.- благодаря чему осуществлялся дальнейший процесс отбора.

Механизмы, порождающие сексуальную сдержанность, весьма сложны и многочисленны, и мы не будем останавливаться на таких простых, как ограничение количества половых связей или оргазмов /хотя есть данные, что и здесь имеется обратно-пропорциональная зависимость с цивилизацией/. Можно вступать в полезную связь сколь угодно часто и тем не менее испытывать неудовлетворение, поскольку объект сексуального желания остается недостижимым. Сущность сексуальной неудовлетворенности заключается в способности человека создавать символы, отвлекающие и удерживающие часть его либидинозной энергии. Различные ограничения, касающиеся времени, места, партнера и т.п. способны не только отсрочить ее высвобождение, но и довести человека до состояния полной неудовлетворенности, поскольку он наделен памятью, логикой и воображением. Таким образом, увеличение количества и строгости сексуальных ограничений может интенсифицировать субъективное переживание сексуальной сдержанности до такой степени, что последующая тенденция к сексуальной "вседозволенности" не всегда приводит к ее преодолению. Стоит приучить пса есть вареное мясо, и его можно без опаски пускать на скотный двор. Основной механизм, порождающий сексуальную сдержанность, заключается в возбуждении сексуального интереса к недостижимым, несуществующим или не относящимся к делу

объектам, что достигается благодаря способности человека к символизации.

В настоящее время указанный механизм является господствующим. Американские юноши и девушки, достигнув половой зрелости, нагружены таким громоздким багажом символов, относящихся к сексуальному желанию, что обычное наслаждение человеческим телом оказывается для них бессмысленным и невозможным. Средства массовой информации наделяют сексуальными чертами все, что лишено их: автомобили, сигареты, моющие средства, одежду и т.п. /Недавно, например, по коммерческому телевидению показывали томного вида мужчину, который, надевая полуботинки, любовно их поглаживал и напевал: "Я созрел для любви..." /Антураж и символика полового акта возбуждают современных американцев не меньше, чем сам половой акт.

Возможно, в Советском Союзе более пуританские нравы, чем в Соединенных Штатах, но зато мы гораздо искуснее манипулируем сексуальностью; русские не подвергаются ежедневной бомбардировке самыми невероятными сексуальными возбудителями и эротическими ассоциациями, и их простые сексуальные ограничения оказываются, в конечном итоге, менее репрессивными.

Романтическая любовь относится к числу тех сдерживающих механизмов, которые заслуживают особого внимания: ее единственная функция — превращение избытка сексуальной энергии в дефицит. Это осуществляется двумя способами: внушением, что только один объект может удовлетворить эротическое и эмоциональное влечение индивида; поощрением

незавершенных, безответных, прерванных и трагических отношений. Несмотря на то, что романтическая любовь постоянно граничит с нелепостью /смерть человека, который не смог нигде купить цветной капусты и умер с голоду, показалась бы нам комической/, люди западной культуры, включая американцев, воспринимают ее вполне серьезно. Почему это происходит? Почему любовь оказалась искусственно превращенной в дефицитный товар и разделила участь бриллиантов и "подлинного" жемчуга /ср. "истинная" любовь/?

Задать такой вопрос — значит ответить на него. Вещи производятся в ограниченном количестве для того, чтобы поднять их в цене, что, в свою очередь, заставляет желающих приобрести их больше работать. В самом деле, кто бы стал в поте лица своего трудиться ради удовольствия, которое доступно бесплатно и в любое время? Кто бы стал завоевывать любовь, которая дается даром? Другое дело, если бы удалось создать редкую, недосыгаемую, неуловимую разновидность любви, обесценив при этом всякую другую любовь — тогда, наверное, нашлись бы чудачки, готовые обрести ее.

Но это, конечно, не объясняет широкую распространенность романтической любви. Понять ее смысл — одно, объяснить факт существования — совсем другое. Можно предположить пока лишь то, что она опирается на какой-то интенсивный эмоциональный опыт. Среди первобытных народов романтическая любовь почти неизвестна, зато она появляется в культурах с доминирующими отношениями между роди-

телями и детьми /в противоположность тем культурам, в которых задача воспитания детей возложена на столь многих, что приближается к коллективной/.

Так как романтическая любовь предполагает отсутствие длительного контакта с объектом любви, нетрудно прийти к выводу, что она не столько интересуется его характерными особенностями, сколько воспроизводит их из предшествующего опыта. Таким образом, "любовь с первого взгляда" оказывается ни чем иным как "перенесением" /в психоаналитическом смысле/, а романтическая любовь — эдиповой любовью. Она обращена в прошлое, чем объясняется присутствующая ей ностальгия и чувство утраты; это инцестуозная любовь — отсюда ее сосредоточенность на мотивах препятствия, недостижимости, трагедии и греха. Впрочем, подлинным объектом романтической любви является не реальный родитель, а скорее его воображаемый, вневременный образ, хранящийся в подсознании.

В первобытных обществах романтическая любовь редка уже потому, что связь между ребенком и родителем в них нерегулярна, и ребенок, имеющий многочисленных нянек и воспитателей, сознает, что может любить самых разных людей. Современному западному ребенку, выросшему в кругу небольшой изолированной семьи, подобное чувство незнакомо — его эмоциональная жизнь тесно связана с одним человеком, и по мере взросления процесс перенесения этой связи на других людей становится для него серьезной проблемой. Следовательно, американцам приходится решать та-

кую жизненно важную задачу, которая в других обществах решается сама по себе, и хотя большинству американских детей удастся все же обеспечить свое существование за счет прежних эмоциональных сбережений, часть из них так и не могут оторваться от своей эдиповой фантазии. Почти все мы с раннего детства привыкаем к тому, что отношения между ребенком и родителем гораздо важнее всяких других отношений, и в силу этого стремимся воспроизвести знакомую структуру в своей последующей жизни или сохранить преданность ей хотя бы в воображении.

Таким образом, главным сдерживающим механизмом, на который опирается романтическая любовь, оказывается интенсификация отношений между ребенком и родителем, причем сдержанная сексуальность возникает в результате: а/ ограничения сексуального поиска одним объектом, б/ сосредоточения эротического интереса на объекте, связь с которым является запрещенной. Последующее усиление эмоциональности и исключительности, характерных для отношений между детьми и родителями, в сочетании с запретом на инцест, создает прототип сдерживающего механизма.

Можно рассматривать этот процесс как своеобразную разновидность эмоциональных сбережений /не исключено, что именно он послужил образцом для банковского дела/. Чем сильнее эротическое увлечение индивида связано с резко ограниченными взаимоотношениями, тем меньше удовольствия он получит от доступных ему форм, и, как следствие, станет меньше потреблять и больше производить. Его сбережения будут расти, а полученная прибыль — вновь вкладываться

в дело, и можно быть уверенным, что в своем стремлении к недостижимому он до самой смерти не оставит своей работы. Вот он, наш осел!

Как я уже заметил, телесное удовлетворение общедоступно, и чтобы побудить людей прилагать к его достижению постоянные усилия, необходимо навязать им такие ограничения и символику, которые, сдерживая и профильтровывая удовлетворение, , обеспечивают его незавершенность. Можно утолить голод, жажду и сексуальное желание в их чистом виде, но каким образом удовлетворить, скажем, влечение к телесным формам, которые существуют не в реальности, а на карикатурах? Сказанное в равной степени относится к жажде славы, власти или богатства. Этим потребностям свойственна врожденная несправедливость: их удовлетворение осуществляется обычно за счет других людей. Кроме того, они абсолютно символичны и, следовательно, принципиально лишены завершенности. Человек, попавшийся на крючок славы или власти, никогда не оставит своих усилий, потому что никакой символ не в силах утолить его желания. Невозможно есть, пить или совокупляться с Нобелевской премией, президентской должностью, контрольным пакетом акций. Конечно, с их помощью можно обеспечить себе телесное удовлетворение, но очевидно, что такое удовлетворение вполне достигается и без них. К тому же в жизни людей, одержимых символической деятельностью, оно играет лишь второстепенную роль и используется для отдыха или поддержания работоспособности.

Если задать вопрос, почему человек так настойчиво

стремится к славе, власти и богатству, обычный ответ таков: потому что они превратились в самостоятельные цели. В некотором смысле это верно, но это еще не ответ, так как самостоятельные цели лишены сами по себе внутренней ценности. Если средство перестает использовать для достижения определенной цели и превращает в цель, приходится заключить, что исходная цель была утрачена или забыта. Можно перестать приманивать осла морковкой, но где-то в глубинах ослиного ума она продолжает существовать: он бежит рысью вовсе не потому, что получает от этого удовольствие.

Когда мы говорим, что человек "влюблен в свою работу", то неявно выдаем свое неосознанное понимание мотивов его поведения. У такого человека большая часть эмоциональных сбережений помещена на родительский счет. У него есть небольшие карманные деньги для оплаты повседневных развлечений, но обычная любовь его не удовлетворяет: он по рукам и ногам связан эдиповой фантазией — долгосрочным эмоциональным векселем, который никто никогда не оплатит. Он будет трудиться всю жизнь, чтобы обрести любовь, которая недостижима. Ему никогда не удастся накопить столько денег, чтобы купить ее, добиться такой власти, чтобы распоряжаться ею, стяжать такую славу, чтобы прельстить ее, исполнить такую работу, чтобы оказаться достойным ее — и тем не менее только на это направлены все его усилия.

Социальная мобильность возникает как раз в связи

с превращением человека в осла. Первая "классовая система", с которой сталкивается каждый человек, основана на различиях между взрослыми и детьми /и связанном с ними распределением прав, обязанностей, поощрений, зависимости и свободы/. Маленький мальчик сознает, что сможет заменить своего отца в качестве объекта привязанности матери, лишь перейдя из класса детей в класс взрослых; но к тому времени, когда это происходит его желание оказывается уже в архиве детских воспоминаний. Однако в тех случаях, когда мать искусно поощряет сына /по причине личных амбиций или из-за плохой обеспеченности семьи/, он переносит свои эдиповы стремления на социально-экономическое попрание. Эдипова фантазия оказывает сильнейшую поддержку мобильному индивиду, помогая безжалостно разрывать социальные связи и привязанности. Наделив эту фантазию высокой ценностью, американцы превратились в нацию, лишенную почвы, со слабыми общественными интересами и чрезмерно сентиментальным отношением к материнству.

Другое следствие рассматриваемого процесса - усиление человеческой деструктивности: человек не просто превращается в осла, он превращается в раздраженного осла. Существует явная зависимость между жесткостью ограничений, налагаемых обществом на телесное наслаждение /особенно в детском возрасте/ и распространенностью в этом обществе садизма и милитаристской пропаганды. Атомная война обладает для многих неосознанной привлекательностью,

так как обещает мгновенное и окончательное освобождение от мучительных ~~фрустраций~~ фрустраций и напряжения. К такому же результату приводят и более умеренные формы агрессивности, однако война играет дополнительную роль в поддержании синдрома "осел за морковкой". Американское общество достигло такого уровня благосостояния, что оно угрожает раскрыть секрет- абсурдность лежащих в его основе постулатов сдержанности. Война порождает искусственный дефицит в сфере экономики, благодаря чему используется в качестве дополнительных шор на глазах осла, из-за которых он не видит морковь, в изобилии растущую вдоль дороги. Разве не абсурдно, что в богатейшей в мире стране такие крупные общественные институты, как школы, больницы, университеты, местное управление, чистая наука, искусство- испытывают постоянный финансовый кризис? Война поддерживает, оправдывает и объясняет подобные аномалии, хотя и не создает их.

Последнее десятилетие явилось свидетелем возникновения контркультуры, принявшей самые разнообразные формы с общим акцентом на возврате к прямому, непосредственному, неискаженному телесному и чувственному опыту. В следующей главе я подробнее проанализирую взаимоотношения между некоторыми формами контркультуры, а сейчас остановлюсь на реакции представителей старой культуры как на одном из способов проявления обсуждаемого нами механизма.

Самой типичной реакцией старшего поколения на новый стиль одежды, свободные сексуальные отношения и употреб-

*Безоценная вещь, как и любая вещь, которая
не имеет себе подобных. Это не вещь,
а нечто, что не имеет себе равных.
См. в журнале "Звезда"*

ление наркотиков стал вопрос: "Для чего это?" и попытки объяснения, сводящиеся к тем или иным утилитарным мотивам: одежда привлекает к себе внимание, сексуальная свобода гарантирует удачный брак /термин "сексуальный эксперимент" отлично подчеркивает такое утилитарное толкование/, наркотики служат средством "испытания" и т.п. Мысль о наслаждении как самостоятельной цели кажется столь невероятной и угрожающей существованию всей общественной структуры, что ее попросту отбрасывают.

В Америке наслаждение допускается лишь в качестве средства для достижения цели, которая, в свою очередь, является средством— благодаря чему обеспечивается приток энергии для нужд экономики. По этой причине непосредственное сексуальное удовлетворение подвергается критике, в то время как символическое сексуальное возбуждение /в таких ослабленных формах, как "Плейбой"/ вполне допускается, причем индивидуальные попытки достичь непосредственного наслаждения нередко наказываются строже, чем кража или ложь. Для поддержания такого порядка в обществе существует множество вспомогательных сдерживающих механизмов. Например, наслаждение можно ограничить, объявив его незаконным, вследствие чего оно станет дорогостоящим и труднодоступным, принуждая людей к соревнованию ради того, что легко может быть в избытке. Кроме того, объявление спиртных напитков, наркотиков, проституции, порнографии и азартных игр вне закона открывает новые возможности для проявления агрессивности и беспокойства.

Даже досуг американцев регулируется на основе ути-

литарных постулатов. Например, с подозрением относятся /и порой подвергают аресту/ к тем, кто не занимается в общественных местах хотя бы минимальной деятельностью — вроде рыбной ловли, чтения газеты или курения. Предполагается, что каждую свободную минуту необходимо использовать для дел, имеющих хотя бы самый неопределенный утилитарный смысл /"расширение кругозора", "полезное знакомство", "общение", "поддержание формы", "расслабление после работы"/. Только ребенку на вопрос: "Что ты делаешь?" позволительно ответить: "Ничего", тогда как в ответе взрослого человека всегда должна подразумеваться какая-нибудь цель, способная поддерживать бессмысленно растущую производительность системы в целом.

Такой утилитарный подход лежит, в частности, в основе отношения современных американцев к порнографии и наркотикам. И то, и другое повсеместно распространено, и то, и другое осуждается обществом, причем общество явно поощряет процессы, приводящие к тому, что оно осуждает.. Кроме того, в обоих случаях существует тенденция превращения сексуальности в средство манипуляции людьми.

Если определить порнографию как информацию, предназначенную для усиления сексуального возбуждения, становится очевидным, что большая часть рекламы — ни что иное, как скрытая порнография. Однако анализ специфических правил, согласно которым в рекламе допускаются или запрещаются те или иные элементы порнографии, обнаруживает, что главное в ней — незавершенность /тело обнажено лишь

частично, половые органы скрыты, половой акт отсутствует и т.д./ Причина вышеизложенного заключается в том, что частичное или минимальное сексуальное возбуждение можно использовать в целях манипуляции, тогда как слишком сильный сексуальный импульс отвлечет покупателей- и они пренебрегут покупкой ради оргазма.

В результате возникает саморазрушающийся цикл: чем удачнее подменяется подлинное наслаждение /эротическое воображение поощряется и утоляется предметами торговли/, тем сильнее становится желание достичь настоящего, неискаженного наслаждения. Утилитарный подход парализовал нашу чувственность, и в последнее десятилетие наблюдается заметный подъем движения, призванного обратить этот процесс. Однако по мере того, как идея безгреховного сексуального опыта обретает все большую привлекательность, средства массовой информации все полнее поглощают ее, прежде чем перебросить на рынок.. Происходящий в результате подъем спроса лишь обостряет потребности, и весь процесс может продолжаться до тех пор, пока осел не схватит, наконец, морковку или не впадет в безумие. "Ослабление" сексуальных ограничений оказывается, таким образом, не ослаблением, а новой интенсификацией отношения "запрещенное-дозволенное", на котором зиждется наша цивилизация.

Раз уж осел (капиталист) захватил морковку, но он ищет ее по-прежнему

Критики цензуры не упускают отметить факт удивительной терпимости наших цензоров к изображению насилия- если мужчина не занимается с женщиной любовью, то ему можно стрелять в нее, резать, душить или бить. Один разгневан-

ный отец, посетивший со своими детьми "семейный киносеанс" /где демонстрировались жестокие убийства и прославлялись ненависть и преступность/, пожаловался на то, что в рекламном ролике перед началом фильма были показаны обнаженные тела и половой акт. Американские дети должны воспитываться в духе конкуренции, в системе ценностей которой наносить друг другу удары — нравственно, а доставлять наслаждение — безнравственно.

Л. Брюс обратил внимание, что обычно средства массовой информации демонстрируют обнаженное тело, тогда, когда оно искалечено. Это верно, и тому есть причина: наше общество время от времени нуждается в убийцах — влюбленные ему ни к чему. Американское общество покоится на фундаменте раздражения и недовольства; отказ от насилия угрожал бы его существованию. Конечно, сохранения насилия угрожает существованию отдельных членов общества, но это нас мало волнует. Причина, по которой искалеченное тело оказывается более приемлемым для американцев, чем здоровое, заключается в том, что их сексуальное влечение существует только в искалеченном виде. В своей чистой форме оно привело бы к распаду нашей культуры, обрекло технику на разрушение и оставило растерянных людей наедине с собой.

То же самое имеет место с наркотиками. Марихуана и ЛСД возвращают людей к чистому и незамутненному восприятию; энтузиасты наркотиков стремятся к встрече с тем миром, который есть, а не с тем, который можно использовать /"На этом побережье можно выстроить прибыльный

курорт!"/ и не желают, чтобы их использовали как машины, но средства, применяемые ими, мало отличаются от уже существующих: и наркотики и парнография— не только реакция против нашей культуры, но и ее логическое продолжение. Если они оказались предметом критики, то лишь потому, что "переступили границу" и начали выветривать западный дух /вместо того, чтобы развлекать его/. Однако внимательный анализ обнаруживает, что фактически они лишь поднимают спрос и потребление, так что соблазн рынка использовать их в качестве предметов продажи растет с каждым днем.

И в самом деле, потребитель наркотиков ведет себя точно так, как это положено стандартному американскому потребителю. Средства массовой информации постоянно призывают нас удовлетворять свои эмоциональные потребности, приобретая те или иные товары. Американская экономика полностью зависит от нашей готовности получать удовлетворение не от людей, а от вещей, не от тел, а от символов, и ее общий валовой доход достигнет своего максимума тогда, когда между любым желанием и его удовлетворением удастся пристроить какой-нибудь рыночный товар. Приучение к такому положению дел осуществляется с раннего детства, задолго до того, как ребенок начинает смотреть телевизор /мать, обнаружив, что ее двухлетний ребенок мастурбирует, немедленно подсовывает ему в руку игрушку; родители предпочитают, чтобы их ребенок сосал не палец, а пустышку и т.п./

Энтузиасты наркотиков, пытаюсь придать этому про-

*Вся жизнь — это борьба с природой
и с самим собой*

цессу обратное направление, лишь усугубляют его. Если тело принято использовать в качестве рабочего и потребительского механизма, почему бы не превратить его в экспериментирующий механизм? Потребитель наркотиков исходит из аксиомы, которую разделяют с ним все американцы: "Тело- специфический прибор" /поэтому в своих безуспешных попытках ухода из мира им приходится "врубаться", "вырубаться" и "настраиваться". Конечно, поток восприятий наркомана доставляет ему большее наслаждение, чем обычно американцу, и тем не менее оба они едут в одной и той же машине, которая везет Америку по безрадостному и утомительному пути.

Приведенные примеры объясняют причину всеядности средств массовой информации: они стремятся поглотить и опозлить зародыш любого изменения, не дав ему созреть и принести плоды. Это ненасытное стремление превращать любое эксцентрическое движение в общее место привело Г. Маркузе в отчаяние /см. "Одномерный человек"/. Оно очень напоминает монстров из научно-фантастических романов, питающихся радиоактивностью и рыщущих по свету в поисках новых источников энергии- именно так средства массовой информации пожирают новые формы восприятия мира. Чем удачнее удастся манипулировать сексуальностью, тем она становится экономически выгоднее. Приобретение товаров в Америке настолько сексуализировалось, что даже их упаковка превратилась в крупную отрасль промышленности. Самую ничтожную покупку мы несем домой запакованной- появ-

Кливер утверждает, что негры спасут Америку посредством своего рода эмоционального переливания. Если Фрейд называл человека "Богом на протезах", чьи вспомогательные /технические/ органы еще не достигли полного совершенства, то Кливер убежден в обратном: современный человек нуждается в "биологическом утверждении" и в "четком установлении границы между телом и машиной". Он считает,

ление "голой" вещи на улице кажется американцу чем-то неприличным /европейцы еще отваживаются на это, но- по мере сексуализации европейской рекламы- их "нравственность" возрастает/. Нас побуждают к покупке, используя завуалированное обещание эротического наслаждения, и в результате покупка превращается в сексуальный акт. Действительно, мы постепенно приближаемся к положению, когда покупка вещей будет вызывать больший сексуальный интерес, чем секс, и если это случится, люди скорее пойдут по улице голыми, чем с неупакованными покупками. Покупательская стыдливость растет по мере того, как сексуальная стыдливость падает.

Однако сексуальность, как средство торговли, не может быть неиссякаемым источником. Отсутствие реального наслаждения угрожает ослабить покупательский соблазн, а найти новые источники- нелегкое дело. Приходится привлекать на помощь образы и фантазии жизни, преисполненной приключений, волнений и удовольствий, а все попытки направить общество по противоположному пути немедленно поглощать с тем, чтобы возбуждать с их помощью господствующую в обществе покупательскую неудовлетворенность.

Э.Кливер утверждал, что негры спасут Америку посредством своего рода эмоционального переливания. Если Фрейд называл человека "Богом на протезах", чьи вспомогательные /технические/ органы еще не достигли полного совершенства, то Кливер убежден в обратном: современный человек нуждается в "биологическом утверждении" и в "четком установлении границы между телом и машиной". Он считает,

что негры, олицетворяющие собой Тело и пребывающие в более тесной связи с "биологическими корнями", чем остальные американцы, способны осуществить "биологическое утверждение" и рационализировать границу между человеком и его техническим продолжением.

Насколько это необходимо сделать ясно хотя бы из разговоров западных предпринимателей из слаборазвитых стран, которые жалуются на то, что местные рабочие неспособны усвоить западное "рациональное" отношение к технике. Более глубокий анализ вскрывает, что "рациональное" отношение к машине состоит в том, чтобы: а) вести себя так, словно владеешь ей, б) обращаться с ней так, словно это личность. Как нетрудно видеть, западная точка зрения объявляет анимизм, имеющий дело с неодушевленными, созданными человеком объектами, рациональным, а относящийся к одушевленным существам - иррациональным и "примитивным". Если от не-западных рабочих стараются добиться более либидинозного отношения к технике, то американцам, очевидно, следует умерить свою либидинозность, и, вероятно, Кливер прав, утверждая, что этому их научат негры. Возможно, участие белых в борьбе за гражданские права негров - результат смутного осознания недостатков американской культуры и понимания того, что белым есть чему поучиться у негров.

Иначе говоря, негры со своими неискаженным и неизращенным либидинозным опытом могут стать источником обновления всего общества. Но как и прежде /в случае

"ослабления" сексуальных ограничений , распространения наркотиков и движения хиппи/ на этот процесс необходимо взглянуть с двух точек зрения. С одной стороны, это новая революционная сила, с другой- либидинозное сырье, охотно поглощаемое прожорливым монстром, на котором держится наше общество. Не исключено, что и наркотики, и негры, и хиппи превратятся, в конце концов, в дополнительный источник чувственного возбуждения, пробуждающего американцев продолжать свое изнурительное соревнование и безумное приобретение вещей. Сумеет ли осел освободиться или ему подсунут новую экзотическую морковку? Сумеют ли американцы избавиться от своих машин и фантазий?